

## ГЛАВА V

# Накануне...

*В Архангельском • Угроза голода • "За" и "против" реформы • Либерализация цен или приватизация? • На пороге гиперинфляции • Межреспубликанский договор или реформа? • Гости 15-й дачи • Первая беседа с Борисом Ельциным - Портрет президента • Вхождение в правительство • Ставлю сыну банки*

ОСЕНЬЮ 1991 года Г.Бурбулис, в то время госсекретарь РСФСР, предложил мне сформировать и возглавить рабочую группу по подготовке предложений о стратегии и тактике российской экономической политики. Это было естественным продолжением нашего разговора в ночь с 20 на 21 августа в Белом доме. В поздний период правления Горбачева бессмысленность прогностического творчества определялась отсутствием воли к каким-либо решительным шагам и поступкам. Теперь энергичные действия стали неизбежными, затянувшаяся пауза тревожила, и я счел себя обязанным принять предложение.

В группу первоначально вошли В.Машиц, А.Нечаев, А.Головков, К.Кагаловский, А.Вавилов. Позднее она расширилась. Дни и ночи мы безвыездно находились на даче подмосковного поселка Архангельское. Нужно было срочно проанализировать информацию о состоянии экономики в целом и в ее отраслях, регионах: о товарных запасах, денежных потоках, долгах государства, внешнем и внутреннем. Только так можно было сделать сколько-нибудь достоверные прогнозы, подготовить рекомендации, оформить их в виде законченных проектов и постановлений.

Конечно, многое нам было известно и раньше. Институт экономической политики вплотную занимался именно этими вопросами. Но теперь была предоставлена дополнительная, прежде недоступная нам информация. И кроме того, одно дело ана-

лизировать экономические процессы, так сказать, академически, со стороны, и совсем другое — готовить программу, которая будет непосредственно влиять на судьбы миллионов людей и коренным образом изменит облик страны.

В конце 1991 года времени для того, чтобы отмерять если не семь, то хотя бы пару раз, уже не оставалось, предстояло резать по живому. Я это отчетливо сознавал, и это было моей постоянной головной болью. Тогдашняя ситуация выдвигала на повестку дня поистине трагические вопросы: удастся ли избежать экономической катастрофы, появятся ли товары в магазинах или на фоне летящих вверх цен люди так и *будут* часами простаивать в бесконечных очередях, бегать с пачками неотоваренных талонов? Стране грозил самый настоящий голод.

Мы понимали: чем ситуация сложнее, тем менее допустима маниловщина, наш анализ должен быть максимально трезвым, решения — взвешенными.

Приступив к работе по подготовке программы реформ, имеющей серьезные шансы быть воплощенной в жизнь, сразу восстановил в памяти Шюпронскую экономическую конференцию 1990 года. Этот форум получился во многом уникальным. В день его начала было объявлено о принципиальной договоренности Ельцина и Горбачева объединить работу по подготовке программы радикальных рыночных реформ в России. Возникла надежда на то, что слово "реформа" обретет конкретное содержание наконец. Несколько человек из числа участников конференции — Евгений Ясин, Владимир Машиц, Леонид Григорьев — вошли в созданную совместным распоряжением Ельцина и Горбачева рабочую группу.

Если раньше на Западе изучение происходившего в социалистической экономике было уделом советологов, уровень экономического авторитета которых за редким исключением был, мягко говоря, невысок, теперь начавшиеся преобразования привлек-

ли к анализу проблем постсоциалистического перехода элиту мировой экономической науки, действительно первоклассных экономистов, сочетающих широкие теоретические знания, высокий научный авторитет и практический опыт изучения либерализационных и стабилизационных процессов во многих странах мира.

Западным коллегам было страшно интересно узнать, что реально происходит в российской экономике, как выглядит поле допустимых альтернатив. Нас привлекла возможность проверить свои оценки, свои предложения. Возникла не так уж часто встречающаяся на обычных научных конференциях обстановка неподдельного и острого взаимного интереса. Не хотелось расходиться в положенное время. Старались использовать каждую минуту для совместного анализа ситуации, выработки предложений. Для меня, пожалуй, наиболее интересным было обсуждение российских экономических проблем вместе с профессором Уильямом Нортхаузом из Йельского университета и профессором Рудигером Дорнбушем из Массачусетского технологического института. Этих известных экономистов я давным-давно знал по научным работам. Сейчас получил возможность подробно обсудить видение развития ситуации в постсоциалистическом мире.

Руди Дорнбуш сначала был настроен настороженно, почему-то полагал, что мы будем ему доказывать неприменимость стандартных зависимостей между ростом денежной массы, бюджетным дефицитом, динамикой инфляции и валютным курсом в постсоветских условиях. Когда же убедился, что наша базовая гипотеза состоит именно в том, что при всех особенностях структурной трансформации, порожденных доминированием государственного сектора, основные макроэкономические модели могут быть адаптированы к постсоветским реалиям, разговор перешел в русло обсуждения конкретных проблем, возникающих в результате такого подхода.

На мой взгляд, использовать результаты наших дискуссий в **Шопроне** коллегам, причастным к созданию программы "500 дней", не удалось. Она все-таки стала слишком политическим, пропагандистским документом. Но для нас осенью 1991 года результаты Шопронских обсуждений по таким ключевым вопросам, как синхронизация различных мероприятий реформ, открытие экономики, валютная политика, были важными отправными точками.

Необходимость либерализации цен не вызывала сомнений. Но не следует ли попытаться до этого шага сделать рывок в области приватизации? Аргументы в пользу именно такой последовательности приводились неоднократно. Вряд ли надо доказывать, что эффективный рынок требует развитого частного сектора и не сможет нормально работать в условиях огосударственной экономики. Государственные предприятия слабо реагируют на рыночные стимулы, их финансовая ответственность низка. При формально свободных ценах они будут воспроизводить стереотипы дефицитного распределения. А вот ослабив государственный монополизм, приватизация введет в жизнь элементы конкуренции, без которой настоящих рыночных механизмов тоже не бывает. [

Но развитие института частной собственности, гарантии ее неприкосновенности не вырабатываются за считанные недели. Их нельзя получить по властному декрету. Как только вопрос приватизации из теоретических рассуждений переходит в практическую плоскость, неминуемо возникает конфликт интересов.

Коллектив завода убежден, что по праву он — беспорный его собственник: люди работали здесь годами, отдавали силы, здоровье, и что же — все дяде? Да и старый лозунг привычен: заводы — рабочим!

Директор предприятия — тоже не чужой человек. Он им руководит, всю душу вкладывает. А за последние перестроечные годы уже привык фактически-

ки как частный собственник распоряжаться этим имуществом. Директор уверен — его права должны быть гарантированы.

Местная администрация представляет население территории, на которой расположено предприятие: уж мы-то у себя лучше знаем, кому, что и как отдавать...

Руководители концернов, корпораций считают, что только им под силу умно распорядиться заводами бывших своих отраслевых министерств.

И наконец — служащие, учителя, военные, студенты, пенсионеры, все те, кому так долго объясняли, что "государство — это мы" и что им, как гражданам страны, принадлежат все ее богатства...

И ведь все по-своему правы. Так как же найти справедливое решение, которое было бы экономически эффективным и в то же время всех удовлетворяло? Подобное уже бывало. Перед реформой 1861 года дворяне, вспоминая о своих заслугах перед державой, искренне считали, что естественное, традиционное право на землю принадлежит им, а крестьяне полагали землю исконно своею. И когда царский манифест был подписан, почти не оказалось довольных. Помните, у Некрасова?

“Порвалась цепь великая!  
Порвалась, — раскочилась  
Одним концом по барину,  
Другим по мужику!..”

Вот и после социализма: как ни дели государственную собственность — всех не удовлетворишь. Именно поэтому здесь так важны не столько экономически оптимальные решения — их нет, сколько социально приемлемые и устойчивые.

Сложность приватизации в России усугубляется двумя обстоятельствами. **Во-первых**, чрезвычайной слабостью легального частного сектора, который зародился лишь в последние годы перестройки и на первых порах еще тесно связан в сознании людей с бывшей теневой экономикой, а потому в их глазах

лишен истинной легитимности. Во-вторых, надежда на масштабное привлечение в российскую приватизацию иностранных инвесторов, при высокой степени социально-политического риска, ничтожно мала.

Вообще-то, и я, и большинство моих коллег, включая А. Чубайса, скептически относились к идее создания специальных платежных знаков, призванных создать спрос на приватизируемое имущество, впоследствии известных как ваучеры. Слишком очевиден был риск, связанный с неизбежным и крупномасштабным спекулятивным перераспределением этих знаков. Разумеется, хотелось обойтись без всей этой экзотики, в максимальной степени используя приватизационные процессы, отработанные в зрелых рыночных экономиках. Однако трезвый анализ заставлял согласиться: выбрать такую стратегию в России — значит просто поставить крест на возможности радикального сокращения доли государственной собственности. Выиграв в эффективности, мы слишком много проиграем в сроках, упустим время, когда прорыв в перестройке структуры собственности возможен.

В конечном итоге, выработанная нами стратегия определялась следующими принципиальными положениями: |

— закрепление прав всех граждан России на приватизируемое имущество;

— акцент на создании приватизационных коалиций, позволяющих стимулировать массовый приватизационный процесс снизу, учет интересов тех социальных групп и политических сил, которые способны парализовать приватизацию, если не найдут в ней своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти и т.д.);

— широкое использование универсальных процедур и стандартных правил с тем, чтобы ограничить зависимость процесса приватизации от индивидуальных решений, а значит, и от возможных злоупотреблений со стороны аппарата управления;

— отказ от попыток реструктурирования предприятий до того, как будет изменена форма собственности.

России предстояло пройти через самую большую по масштабам и самую сложную по исполнению приватизационную программу в истории человечества. Не насильственная, а правовая трансформация собственности, учитывающая по возможности интересы всех социальных групп, — сложнейшая процедура. Одно только формирование ее юридической и организационной инфраструктуры требует немалого времени. Любая собственность должна быть надлежащим образом закреплена, а где взять столько нотариусов, чтобы все оформить? Если же не оформлено, какая же это собственность? |

На первый взгляд, целесообразным казалось провести сразу хотя бы приватизацию в сфере торговли, обслуживания, общественного питания. Но и тут заковыка: при тотальном дефиците магазинов — во все не магазин. Как бы ни был он скуден, грязен и запущен, все равно это некий священный храм распределения благ, а его работники — жрецы, получившие от высшей власти право наделять и лишать, казнить и миловать... Именно так все это и выглядело осенью 1991 года. Приватизация торговли в подобных условиях напоминала бы решение реквизировать в осажденном, голодном городе сбереженные именно на такой случай общественные запасы продовольствия... |

И в результате приходится принимать в данной ситуации единственно логичное решение: недостаток времени, паралич командной системы управления экономикой, хилое состояние рыночной инфраструктуры, отсутствие правовой базы для ее развития — все это вынуждает идти на либерализацию немедленно, не дожидаясь результатов фундаментальных структурных реформ. Приватизацию, конечно, постараемся тоже проводить в максимально сжатые сроки и начнем ее как можно раньше, но |



сдерживать в ожидании ее результатов либерализацию цен не будем.

Но опять вопрос: либерализовать цены сразу или постепенно? Сторонники постепенности аргументировали ее преимущества возможностью придать процессу контролируемый характер. Мы возражали: попытка удержать под контролем цены на достаточно обширную, социально значимую часть товаров не позволит ликвидировать крупные ценовые диспропорции, будет непрерывно повышать дотационную нагрузку на бюджет, воспроизводить дефицит. Неизбежное при этом периодическое **повышение** фиксированных цен будет раз за разом посылать экономике дополнительные инфляционные импульсы. В результате — не выход из кризиса, а его углубление. Что, кстати, и произошло впоследствии на Украине и в Белоруссии.

Забегая вперед, хочу отметить, что, хотя в Архангельском мы предвидели именно такое развитие событий и приняли решение жестко ограничить перечень товаров с регулируемыми ценами, позже правительство России вынуждено было пойти на избыточное регулирование. Естественно, это значительно усложнило ход реформ, затягивая без нужды их начальный, самый трудный период. Однако, маневрируя, отступая, правительству все же удалось закрепить на рубеже, который не позволил проявиться у нас украинско-белорусскому синдрому.

Особая забота — финансы. При острейшем народнохозяйственном кризисе государство продолжало финансировать крупнейшую в мире армию, осуществлять масштабные закупки военной техники, вкладывать деньги в долгострой. Верховный Совет на протяжении многих лет принимал все новые и новые дорогостоящие расходные программы. Положение усугубляла борьба союзных и российских властей, которая существенно расшатала доходную базу бюджета. Российские и союзные власти в 1990-1991 годах наперегонки снижали ставки налога на при-

быль. К тому же первые, отдав установление ставок налога с оборота на места, фактически потеряли контроль за важнейшим источником бюджетных поступлений, тогда как было предельно важно хотя бы на первые месяцы после либерализации цен, пока не стихнет мощная инфляционная волна, отключить мотор эмиссионного финансирования бюджета.

В денежной системе существуют две фундаментальные неприятнейшие проблемы. Первая — проблема денежного запаса (денежного навеса). Вторая — денежных потоков. Используем бытовую аналогию: у вас беда — затоплена квартира и из крана хлещет вода. Нужно закрыть кран и убрать воду. Но резьба сорвана, а сток засорился! Грозит потоп.

Почти с самого начала перестройки из государственного крана не то чтобы уж невероятно щедро, но, явно превышая возможности государства, била денежная струя. Не найдя стока, то есть нужных товаров, деньги оседали на вкладах в сберегательных кассах... Вот это и есть денежный навес.

Теперь о денежном потоке. Государство уже долгое время тратит больше, чем получает, направляя средства на различные дорогостоящие проекты, на закупку оружия, на дотации убыточным предприятиям... У него огромный дефицит бюджета, дыры в котором латаются тем, что вклады населения почти сразу автоматически изымаются из сберкасс для финансирования тех же бюджетных прорех. Люди, десятилетиями стоящие в очереди на покупку автомашины и выпрашивающие в профкоме талон на телевизор, думают, что у них есть деньги, а они уже давно ничем не обеспечены, растранижены государством.

Нет ни одной социалистической экономики, которой удалось бы преодолеть дефицит и при этом сохранить в полном объеме накопленные в условиях дефицита и ничем не обеспеченные сбережения. Разумеется, не потому, что не пытались, а потому, что решить эту задачу столь же реально, как вытащить

самого себя из болота за волосы. Впрочем, от этого толпа Мюнхгаузенов, уверяющих, что им-то уж точно известно, как можно это сделать, не убывает.

К концу 1991 года дефицит бюджета приблизился к 30 процентам валового национального продукта. Объем денежного навеса определить невозможно (особенно после павловской “купюрной реформы”, окончательно подорвавшей доверие к рублю), но ясно, что он чрезвычайно велик. Между тем, готовясь к освобождению цен, необходимо определить хотя бы приблизительный масштаб первоначального всплеска инфляции, который связан с ликвидацией избыточных денежных средств, не покрытых товарной массой.

Оценка денежного навеса и, соответственно, масштабов первоначального скачка цен основывается обычно на гипотезе о неизменности денежного поведения населения. За основу мы брали период относительной стабильности начала 80-х годов. Затем суммировали аномальные денежные накопления второй половины 80-х — начала 90-х годов, когда доля вынужденных сбережений резко возрастала. Полученные цифры служили в качестве исходных. По такой методике расчета первичный скачок цен, если бы их либерализация была проведена в конце 1990 года, составил бы 60 процентов.

Но 1991 год смешал карты. Январская павловская реформа, апрельское административное повышение цен, рост номинальных денежных доходов, постоянная и все возрастающая нервозность людей, подстегиваемая непрекращающимися слухами о новых денежных реформах, — все это кардинальным образом изменило картину. Было ясно: мы попали в ситуацию, когда теория бессильна, научное прогнозирование невозможно. Оценки колебались уже в пределах 200-250 процентов.

Если проблема денежного навеса состоит в первую очередь в том, кто возьмет на себя политическую смелость сказать правду, что вклады в сберкас-

сах уже растрянжирены государством, то вопрос о денежном потоке, о кране с сорванной резьбой, из которого хлещут пустые рубли, — несколько иного порядка. Важнейшая причина, толкающая на эмиссию, — неумение государства вести дела так, чтобы его расходы покрывались доходами и рыночными заимствованиями. Красноречиво название доходов государства от печатания денег — “сеньораж”, четко указывающее на его связь с традиционными правами феодального сеньора. Это самый простой и действенный из всех существующих налогов. Для его сбора не нужна налоговая полиция. Он автоматически взимается с граждан с каждым тактом денежного печатного станка. Но это и один из самых разрушительных для экономики налогов. Рано или поздно он обязательно приводит в расстройство национальные деньги — важнейший инструмент деликатного рыночного механизма. И они больно мстят ростом цен, бегством капитала за границу, подрывом стимулов к сбережениям и долгосрочным инвестициям.

Самая страшная денежная катастрофа — гиперинфляция. Она приходит, когда общество, полностью утратив доверие к национальным деньгам, начинает быстро от них избавляться, покупая все, что только возможно. Так бывает, если рост цен начинает приближаться к 50 процентам в месяц. Тогда и государство вдруг обнаруживает, что и его доходы от денежной эмиссии резко идут вниз. Нередко в ответ оно еще сильнее нажимает на печатный станок, и экономика отвечает на это дальнейшим ускорением денежного оборота, вообще выводя национальную валюту из обращения. Россия в своей истории пережила гиперинфляцию один раз — с декабря 1921 по январь 1924 года, при этом среднемесячный рост цен составлял 57, а максимальный — 213 процентов.

Обсуждая контуры программ предстоящих реформ, мы понимали, что один из самых серьезных рисков, связанных с неизбежной либерализацией

цен, — это угроза немедленного гиперинфляционного взрыва, детонатором которого послужит денежный навес. В этом случае цены будут стремительно расти, а товары все равно не появятся. Многолетняя традиция дефицитной экономики просто не допустит слабые, находящиеся на последнем издыхании деньги в хозяйственный оборот.

Вот почему и нужно было сразу после освобождения цен, хотя бы на несколько месяцев, пока не спадет первая инфляционная волна и мнимые сбережения трансформируются в реальные, почти полностью отключить мотор эмиссионного пополнения бюджета. Отсюда — и необходимость предельной скупости государственных трат.

Однако Россия — хотя и огромная часть Союза, примерно 60 процентов его экономики, но все же не весь Союз. В конце 1991 года на его территории действуют российский и еще 14 других, фактически не зависимых друг от друга центральных банков. Они не печатают наличные рубли, но росчерком пера, через безналичные расчеты, вольны запустить в обращение любую массу денег, и чем меньше республика, тем большую выгоду она получит от этой безналичной эмиссии. Ее последствия — увеличение инфляции распределится на всю территорию рублевой зоны.

Хорошо известный исторический пример подобной проблемы — использование единой валюты государствами, образовавшимися после первой мировой войны на базе Австро-Венгрии, что привело к гиперинфляционным катастрофам в Австрии и Венгрии. Лишь Чехословакия, быстро введя в оборот свою валюту, смогла избежать этой участи.

Отсюда — жесткая необходимость скорейшего введения своей национальной российской валюты. Без этого инфляцию не затормозить. Но ведь речь идет о сложнейшей технической операции. При интенсивных хозяйственных связях между республиками прокламировать с сегодня на завтра отделение

денежной системы России от республик — значит просто остановить экономику, породить полный хаос в расчетах. Необходимо подготовить изменение систем расчетов, перенести центральные банки республик на корреспондентские счета, ввести новый режим учета платежей. В общем, при самой интенсивной работе на введение национальной валюты уйдет не менее полугода.

Отсюда — длительное обсуждение вопроса о возможности провести начальные преобразования в два этапа, как в Польше. Отделить на полгода либерализацию цен, подобную проведенной последним коммунистическим правительством М.Раковского, от мероприятий по стабилизации экономики, начатых первым демократическим правительством Т.Мазовецкого и Л.Бальцеровича.

В российском варианте это выглядело бы так: разморозив в начале января 1992 года цены, можно было внести лишь самые необходимые изменения в налоговую систему, чтобы вместе с ростом инфляции не уменьшились поступления в бюджет, продолжить эмиссионное финансирование и лишь с июня, введя российскую национальную валюту, приступить к финансовой стабилизации.

И все же от этого варианта отказались. Правительство В.Павлова не сделало нам такого подарка, который преподнесло демократам последнее правительство польских коммунистов. Брать политическую ответственность за неизбежно конфликтные решения и по либерализации цен, и по финансовой стабилизации все равно нам. При либерализации цен в январе, не сопровождаемой серьезными стабилизационными усилиями в России, экономика практически неизбежно и сразу входит в режим гиперинфляции.

Нетрудно догадаться, что к тому времени, когда технические предпосылки введения национальной валюты и серьезных стабилизационных усилий будут подготовлены, социальная база поддержки та-

кой политики окажется полностью подорванной. Либерализацию цен нельзя отложить — старая административная система целиком парализована. Ее нельзя проводить без серьезных стабилизационных усилий — в противном случае экономика войдет в режим гиперинфляции с неработающими деньгами. И вместе с тем нельзя всерьез надеяться на успех стабилизационной политики в течение первого полугодия 1992 года, до создания собственного денежного обращения в России. Вот и скажите, что в такой ситуации делать?

В сентябре-октябре 1991 года нам стало абсолютно ясно: ситуация безжалостно диктует выбор предельно конфликтного, рискованного сценария начала преобразований.

Причем можно предвидеть, что существенное влияние на их ход окажут факторы, нарушающие намеченную программу и находящиеся вне контроля правительства.

Программа-минимум состояла в том, чтобы, запустив рыночные механизмы, перевести подавленную инфляцию в открытую, предотвратить развал денежного обращения, преодолеть кризис снабжения городов, начать структурные реформы и формирование рыночных механизмов.

Правительство, либерализовав цены, одновременно резко сокращает субсидии на продовольствие, примерно в 3 раза снижает ассигнования на закупку вооружения, резко сокращает расходы на капиталовложения, особенно в аграрную сферу, ограничивает финансирование социальной сферы реальными доходами бюджета и в то же время вместо дезорганизованного налога с оборота вводит предельно высокий налог на добавленную стоимость (28 процентов).

Драконовские эти меры, достаточные, чтобы на первых порах сбалансировать бюджет, дают шанс избежать гиперинфляции, послать импульс для запуска мотора рыночной экономики.

Программа-максимум — сделав все это, обеспечить уровень финансовой и денежной стабильности, достаточный, чтобы преодолеть инфляционную инерцию, создать предпосылки для структурной перестройки промышленности, сельского хозяйства, заложить основы будущего подъема экономики России.

Нет никаких гарантий того, что удастся реализовать даже программу-минимум. Опаснейшим сопутствующим фактором останется на какое-то время единая рублевая зона, непредсказуемость денежного поведения республик бывшего Союза, грозящая развалом денежной системы. Но иного, более мягкого варианта преодоления кризиса и выхода страны на путь уверенного развития нет.

Мы работаем над различными документами, направляем их Б.Ельцину, посылаем предложения, получаем отклики. В рабочей группе в Архангельском в то время появлялись практически все, кто потом вошел в правительство: А.Чубайс, В.Данилов-Данильян, П.Авен, Б.Салтыков, С.Глазьев и многие другие. Заходили и те, кто работал в российских структурах власти: Г.Бурбулис, М.Полторанин, В.Махарадзе (в то время начальник контрольного управления), А.Козырев, Н.Федоров, С.Шахрай...

Министр труда А. Шохин оставался с нами постоянно, остальные приезжали, чтобы проинформировать о текущей ситуации, посмотреть документы, просто потолковать по душам... Было ясно, что раздрай в силаевском правительстве достиг апогея, там царят неопределенность, растерянность.

Атмосфера 15-й дачи — все более обостряющееся чувство тревоги за судьбу страны. Приглашаем сотрудников бывших союзных министерств, ведомств. Многих знаем по прежним годам как компетентных специалистов, пытаемся с их помощью понять ситуацию в критически важных сферах деятельности. Валюта, хлеб, горючее, заключение договоров на 1992 год, отношения с кредиторами. Складывающаяся



яся по их информации картина происходящего в стране поистине катастрофична.

Денежная эмиссия растет, валютные резервы тают, потребительский рынок полностью разрушен, заключение договоров на следующий год практически на нуле. В союзных органах власти — ситуация тягучего безвластия и беспомощности. Никто ничего не хочет решать, делать, брать ответственность на себя. Ельцин, после августовских событий, — на юге, в отпуске. Конкурирующие политические силы пытаются перетянуть его на свою сторону.

Неоднократно заходит Евгений Сабуров. В 1991 году, вскоре после отставки Явлинского, он выдвинулся на лидирующие роли в формировании экономической политики российского правительства. В это время — заместитель председателя правительства, министр экономики. Знаю его давно, как и тех, кто пришел с ним работать, его заместителей, — Володю Лопухина, Ивана Матерова.

Сабуров рассказывает о критической ситуации с зерном. И вместе с тем ратует за необходимость сначала провести приватизацию, а потом уже браться за размораживание цен. Приватизация не в его ведении, за нее отвечает другой заместитель председателя правительства — Михаил Малей. В ней ничего не стронулось с места. Но так как не идет приватизация, то невозможно проводить и либерализационные мероприятия. Получается замкнутый круг с перекладыванием ответственности друг на друга. Политически удобно, но абсолютно непозволительно в кризисной ситуации.

Сабуров еще верит в возможность заключения работающего экономического договора между республиками, отвечает за соответствующие переговоры в российском правительстве и, вместе с тем, явно сам видит, что фундаментальные проблемы, без решения которых никакой союз работать не будет, обходятся во всех проектах документов. Соглашения подписываются с таким количеством особых

мнений и замечаний, что их нежизнеспособность очевидна.

Общее ощущение — очень многое знает, чувствует трагизм и критичность ситуации и в то же время не хочет брать на себя ответственность за тяжелые и непопулярные меры, как будто надеется, что все само собой образуется и удастся избежать самых социально конфликтных решений.

Для всех участников консультаций очевидно, что в ближайшие месяцы и годы перемены в российском правительстве будут неоднократными. Очень мало желающих взвалить на себя самый тяжелый груз начала преобразований. Именно тогда, после этой серии встреч, начинаем между собой обсуждать вопрос о том, что, возможно, нам придется взять это на себя.

Впервые идею о том, что мне придется взять на себя практическое руководство реформами, мои коллеги обсуждали еще весной 1991 года в кулуарных разговорах после международной экономической конференции в Париже. Но тогда это воспринималось скорее как шутка, продолжение капустника на Змеиной горке. В августе, за несколько дней до путча, ко мне заходил А.Головков, спрашивал, как бы я отнесся к предложению стать государственным советником Ельцина по экономике. Только что избранный президентом, он начал перестраивать под себя структуры российской исполнительной власти. Я сказал, что вопрос предельно прост: все зависит от того, что Ельцин собирается делать с экономикой. Если по общему направлению его намерения совпадают с моими убеждениями, то я готов серьезно рассмотреть это предложение. Тогда нужно встретиться с президентом и все обсудить.

Утром 19 августа для себя решил — если Ельцин обратится ко мне с таким предложением, непременно приму его. Думал, что на этом месте действительно могу быть полезен. Все-таки наш институт — самое сильное на сегодняшний день научное подразде-

ление, занимающееся не абстрактно-теоретическими изысканиями или долгосрочным прогнозированием, а текущей хозяйственной конъюнктурой, а потому и способное достаточно точно предугадывать последствия принимаемых решений, готовить практические рекомендации по подготовке и реализации рыночных реформ.

Сентябрьская работа в Архангельском была обусловлена именно такой логикой отношений с властью. Только постепенно, к октябрю, стали накапливаться сомнения в жизнеспособности этой схемы. Ну хорошо, советы мы дадим. А делать-то кто все это будет? Кто решится сесть в пустующее пилотское кресло? Поначалу гоню от себя эту мысль. Прекрасно понимаю, насколько работа советника президента по экономике спокойней, приятней, да и безопасней поста министра финансов обанкротившегося государства. Очень хотелось бы сохранить за собой приятную привилегию — анализировать, советовать, критиковать, подправлять. И все же постепенно прихожу к убеждению: если не найдется никого, кто взял бы на себя ответственность за начало жизненно необходимых, тяжелых, социально конфликтных радикальных реформ, придется за это браться. Да, будет нелегко, будет не хватать управленческого опыта. Даже в случае успеха непременно выкинут и вряд ли скажут "спасибо". Уж настолько то практика постсоциалистической политэкономии для нас очевидна. И все равно невозможно смотреть, как страна катится в пропасть просто потому, что все перебрасывают, словно горячую картофелину с руки на руку, ответственность за непопулярные и конфликтные решения.

Вернувшись из Крыма, где был в отпуске, в Архангельское заехал отец. Я рассказал ему, как вижу экономико-политическую ситуацию, что происходит, что мы предлагаем делать. Отец согласился со мной в том, что предлагаемая стратегия начала реформ в России, видимо, единственно реальная. Ког-

даже он понял, что, возможно, его сыну придется не только советовать все это кому-то, а самому садиться и исполнять, наверное, впервые в жизни я увидел выражение откровенного ужаса на его лице. И мне, и ему было понятно: если такой поворот состоится, вся жизнь, и не только моя, но и нашей семьи, в корне изменится. Разделится на спокойную, размеренную, интеллигентскую — до и абсолютно неопределенную, непредсказуемую — после. Отец посмотрел на меня, сказал: “Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь”.

Было желание набрать воздуха, как перед дальним заплывом, оглядеться вокруг, собраться с мыслями. Поколебавшись, решил выполнить старое обещание: слетать ненадолго в Роттердам, прочесть несколько лекций по проблемам постсоциалистической экономики в Университете Эразма Роттердамского. На третий день — звонок из Москвы. Надо вылетать обратно — вызывает Ельцин.

Конец октября. Первый разговор с Борисом Николаевичем Ельциным. Кадровые вопросы не обсуждаются, речь идет об экономической ситуации. Общее впечатление: Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране. Понимает огромный риск, связанный с началом реформ, понимает и то, до какой степени самоубийственны пассивность и выжидание. Кажется, готов взять на себя политическую ответственность за неизбежно тяжелые реформы, хотя знает, что популярности это ему не прибавит.

Я начал разговор с того, что, на мой взгляд, ситуация тяжелая, но не **безнадежная**, а закончил словами о том, что, по всей видимости, ему придется самому отправить со временем в отставку первое правительство, которое начнет реформы и примет на себя ответственность за самые тяжелые решения. Он скептически улыбнулся, махнул рукой — дескать, не на того напали.

Потом мы общались бесчисленное количество раз, сходились, расходились, **ссорились**, мирились. Имею довольно точное представление о его сильных и слабых сторонах. И навсегда сохранил к нему уважение за решимость, проявленную им в предельно трудной ситуации осени 91-го. Тогда он сделал то, на что так и не решился Горбачев.

У Ельцина сложный, противоречивый характер. На мой взгляд, наиболее сильное его качество — способность интуитивно чувствовать общественное настроение, учитывать его перед принятием самых ответственных решений. Нередко возникало ощущение, что он допускает ошибку в том или ином политическом вопросе, не понимает последствий. Потом выяснялось — это мы сами не просчитываем на несколько ходов вперед.

В принципиальных вопросах он гораздо больше доверяет политическому инстинкту, чем советникам. Иногда при этом принимает абсолютно правильное решение, но иногда и серьезно ошибается. Тут, как правило, виной настроение, которое довольно часто меняется и подводит его.

Сильное качество — умение слушать людей. Убедительно звучащее личное обращение может повлиять на него гораздо больше, чем самая лучшая, прекрасно написанная бумага. Но здесь таится и опасность: тот, кто вошел к нему в доверие и умеет убеждать, имеет возможность и злоупотребить этим доверием, такое случалось не раз, в том числе и при принятии чрезвычайно важных решений.

Нередко я ловил себя на мысли о схожести Ельцина с былинным богатырем Ильей Муромцем, который то отважно громил врагов, то лежал на печи. Ельцин может быть очень решительным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен, — способен вдруг впасть в длительные периоды пассивности и депрессии. Несколько раз подобная апатия приводила к утрате важнейших, с трудом завоеванных преимуществ. Так было и

в сентябре-октябре 1991 года и, может быть, еще более серьезно — в октябре-декабре 1993-го.

Характерная черта Бориса Ельцина — уважение, которое он питает к людям независимым, и презрение к рабскому поведению. Отсюда — и умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если он чувствует их состоятельность. В 1991–1992 годах я намного чаще говорил президенту "нет", чем "да", доказывал ему, почему советы, с которыми к нему приходят и которые ему кажутся убедительными, на самом деле самоубийственны. Почему нельзя делать то, о чем его просят губернаторы, бывшие министры, старые товарищи, и почему нецелесообразны те или иные кадровые перестановки и перемещения.

Абсолютно убежден: никогда не смог бы этого добиться, если бы с осени 1991 года у президента не сложилось твердого убеждения, что к власти я отношусь сугубо функционально, к ней не стремлюсь и за свое место в правительстве не держусь. Помнится, я предложил Борису Николаевичу принять мою отставку то ли во вторую, то ли в третью нашу встречу после своего назначения в состав правительства. И вот по какому поводу. Тогда Гавриил Попов очень хотел уйти с неуютной в голодном 1991 году должности московского мэра и просил назначить его министром иностранных дел и внешнеэкономических связей, объединив эти министерства. Ельцин готов был согласиться, я категорически возражал. Что касается поста министра иностранных дел, это выходило за сферу моих полномочий, но вот убежденность в том, что внешнеэкономическими отношениями, если мы хотим иметь комплексные реформы, должен руководить кто-то из членов моей команды, была абсолютно четкой. Поэтому я попросил Бориса Николаевича не проводить этого назначения, сказав, что в противном случае не смогу взять на себя ответственность за проведение экономической политики. И он усту-

пил. Впоследствии таких эпизодов в наших отношениях было немало.

Ельцин — человек прямой, иногда прямолинейный. Нетерпим к человеческим слабостям. По-барски может унижить. По отношению ко мне этого никогда не случалось, к другим — бывало, и я, честно говоря, испытывал при этом мучительную неловкость и за избыточно заискивающего слугу, и за барственного господина. Широкая русская душа Бориса Ельцина — не всегда на пользу государственным делам. Ему, скажем, гораздо легче даются искренняя дружба или жесткая конфронтация, чем тонкие, сложные чувства. То же и в работе: он зачастую рубит сплеча там, где необходимо терпение, тщательное изучение всех аргументов, неторопливость в решениях. В ряде случаев это оборачивалось ущербом национальным интересам.

Хорошо знавшие Бориса Николаевича лидеры зарубежных государств, особенно постсоциалистических, неоднократно пользовались этой его слабостью, выбивая односторонние несбалансированные и вряд ли обеспечивающие интересы России уступки. Особенно часто такое случалось за столом дружеских переговоров с лидерами государств СНГ. Несколько моих непростых разговоров с президентом было связано именно с этим, с моими вынужденными и достаточно жесткими публичными возражениями против принятия тех или иных обязательств. Борис Николаевич обижался, отводил меня в сторону, говорил, что я должен высказывать ему свои замечания один на один. Я старался делать именно так, но не мог сдерживаться, когда широким жестом он вдруг сводил на нет результаты наших многомесячных усилий. Как это было, например, с выделением российской рублевой зоны.

Но все это позже. Тогда же, в октябре 1991 года, наш первый разговор пришелся мне по душе. Он показал, что президент думает о реформах всерьез, понимает необходимость срочно переходить от про-

грамм к делу, готов к этому, имеет представление о направлении предстоящих преобразований, быстро улавливает суть даже не знакомых ему сложных экономических проблем.

Хотя впрямую в разговоре с Ельциным никакие кадровые вопросы не обсуждались, зато после в беседах с ближайшими в то время к президенту людьми — Бурбулисом, Полтораниным, Шахраем — темы, связанные с формированием нового правительства, начинают проговариваться все более предметно. К этому времени Ельцин, после серий консультаций и отказа ряда видных политиков возглавить правительство, уже принял решение сделать это лично. Широко обсуждался вопрос о том, кто будет его первым заместителем, де-факто отвечающим за каждодневную работу Совета Министров. Называли две наиболее вероятные кандидатуры — Михаила Полторанина и Геннадия Бурбулиса. И тот, и другой, заходя к нам на 15-ю дачу, советовались, спрашивали о нашей позиции, готовности работать с ними. Позиция эта была предельно простой. Да, готовы. И с тем, и с другим, выбор за Ельциным. Но только в том случае, если, во-первых, принимается наша программа радикальных рыночных преобразований в России, и, во-вторых, наши единомышленники получают контроль над ключевыми экономическими министерствами. Несмотря на эти разговоры, по-прежнему было ощущение нереальности происходящего.

В конце октября Ельцин собрал заседание Госсовета, выступил на нем. Изложил основные тезисы подготовленной нами программы: Россия начинает реформы сама, предлагает другим республикам присоединиться, берет курс на радикальные рыночные преобразования, в ближайшее время готовит и проводит либерализацию цен, начинает структурные реформы, приватизацию, земельную реформу, открытие внешнеэкономической сферы, подготовку к введению российского рубля, обеспечению его кон-



вертируемости. Спрашивал у собравшихся, согласны ли с необходимостью скорейшей либерализации цен. Все как один согласно кивали.

Два дня спустя Ельцин выступает с программной речью на V Съезде народных депутатов России. Основные тезисы речи подготовлены нами. Обозначены контуры программы реформ. Ельцин говорит о своей готовности лично возглавить правительство, просит дополнительных полномочий, позволяющих регулировать процесс формирования рыночных отношений указами, получает поддержку.

Договариваются о встрече с нашей группой лидеры “Демроссии” — в то время главной политической силы, поддерживающей президента, — Лев Пономарев, Глеб Якунин, Белла Денисенко, еще несколько народных депутатов из демократического стана. Рассказываем суть того, что считаем необходимым сделать.

Ельцин, уже в качестве главы Совета Министров, продолжает консультироваться с нами о его составе. Если не ошибаюсь, 3 ноября из информированных источников приходит новость: принципиальные решения приняты, Явлинский со своими коллегами возвращается в российское правительство, я буду экономическим советником Ельцина.

Не убежден, что Григорий подходит для роли, которую необходимо играть в это время. Боюсь, что будет под разными предложениями уходить от неизбежного решения по либерализации цен. И все же такое чувство, как будто только что выскочил из-под колес мчавшегося на тебя поезда. Самое тяжелое все-таки достанется не нам, за нами куда более спокойная, привычная, комфортная роль советников. На следующее утро выясняется — информация была неверной, Григорий Явлинский отказался.

В этот момент окончательно понимаю: по-видимому, работа в правительстве неизбежна, отсидеться в советниках, переждать самое трудное время не удастся. Именно мне, в 1987-1990 годах, наверное,

громче всех предупреждавшему о страшной опасности либерализации цен при расстроенных государственных финансах и хаосе в денежном обращении, теперь придется платить за перебитые горшки.

5 ноября. Телефонный звонок. Президент подписал указ: первый вице-премьер — Г.Бурбулис, вице-премьер, министр экономики и финансов — Е.Гайдар, вице-премьер, министр труда и социальной защиты — А.Шохин. То, что это должно было случиться, я чувствовал, и все же сообщение грянуло, как гром, разом отделив все, что было в жизни до того, от неведомого будущего. Из советника я превратился в человека, принимающего решения. И теперь тяжесть ответственности за страну, за спасение ее гибнущей экономики, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей легла на мои плечи.

Прежде чем отправиться в Архангельское, где меня ждала моя команда — будущие министры и их заместители, — заскочил домой. Маша была встревожена, у сына высокая температура, он тяжело дышит, почти задыхается, велено поставить банки, а медсестры нет. Первое, что мне довелось совершить, став министром и вице-премьером, — это поставить банки своему годовалому сыну.